

Б.Е. Фролов

Национальный состав Черноморского казачьего войска (1787-1860 гг.)

отправной точкой для настоящего исследования стали слова «дида кубанской истории» Ф.А. Щербины, характеризующие черноморское казачье войско, как «собранное из разных мест, разрозненное и, отчасти разноплеменное...» (1). Он писал о том, что в число черноморских казаков вошли малороссы, поляки, молдаване, великороссы, литовцы, татары, греки, немцы, евреи, турки и др. Многонациональный состав Черноморского войска отмечал и В.А. Голобуцкий, указывая на случаи поступления в казаки еще и болгар, сербов, албанцев (2).

Подтверждение этим словам историков мы легко можем найти во многих документах, вышедших из казачьей среды. Скажем, на заседании Войскового правительства 16 марта 1794 г. говорилось: «Старшины и казаки при собрании сего войска поступили на службу из разных мест Российской империи и польской области» (3).

Полиэтничность черноморского казачества, особенно в первые годы его существования, была определена источниками комплектования и пополнения.

За день рождения Черноморского войска можно принять распоряжение князя Г.А. Потемкина от 20 августа 1787 г.: «Чтоб иметь в наместничестве Екатеринославском военные команды волонтеров, препоручил я секунд-майорам Сидору белому и Антону головатому собрать охотников, и конных и пеших для лодок из поселившихся в сем наместничестве служивших в бывшей Сечи Запорожской казаков» (4). Однако первые результаты оказались не очень обнадеживающими и уже 12 октября Г.А. Потемкин разрешил набирать «охотников из свободных людей» (5).

К концу 1787 г. удалось собрать 600 человек (6). Ордером от 2 января 1788 г. Г.А. потемкин призывает атамана С. Белого «употребить всемерное старание о приумножении казаков». 4 октября 1789 г. он в очередной раз приказывает: «Войску верных казаков Черноморских позволяется принимать всех свободных людей...» (7). В 1794 г. кошевой атаман З. Чепега заявил Войсковому правительству, что по неоднократным повелениям князя Г.А. Потемкина он обязан был «всех

бездомных бурлак, лишь бы не бежавши из регулярных полков солдат, и таковых за коими не было бы каких важных преступлений, без сомнения принимать и причислять в сие войско, ради умножения его на службу» (8).

Разрешение принимать в казаки всех желающих свободных людей (не говоря уже о нелегальном поступлении беглых) резко меняет социальную структуру войска, в него устремляются представители различных сословных групп русского общества (см. 9). В конце концов бывшие сечевики составили в новом войске меньшинство. По подсчетам И. Бентковского, в 1795 г. «истых сечевиков» насчитывалось только 30 %, «охотников» из свободных людей – 40 %, «прочих» – 30 % (10). Методика получения этих цифр не совсем понятна и, возможно, не вполне корректна. Ф.А. Щербина, не вдаваясь в детали, просто констатировал: «... в Черноморское войско записалось много лиц, не имевших никакой связи с Сичью» (11).

По нашим сведениям, число бывших запорожцев в Черноморском войске на 1794 г. составляло примерно 43 % (12). Подсчеты сделаны по материалам переписи 1794 г., проведенной поручиком Миргородским и корнетом Демидовичем: из 12 645 казаков, проживавших в 40 куренях, «служивших в бывшей Сечи Запорожской» оказалось 5503 человека. Эти цифры достаточно относительны. Переписать всех казаков не удавалось и несколько десятилетий спустя. В числе «запорожцев», конечно же, немало беглых, которые просто обязаны были придумывать более или менее убедительные легенды для легализации своего положения. Приток беглецов на Кубань, принимавший порой, по словам В.А. Голобуцкого, «черты организованного переселения», еще более неуклонно снижал процент бывших запорожцев среди черноморских казаков.

Итак, достаточно свободный доступ в Черноморское казачество всех желающих (и не только свободных людей), практика комплектования войска «сверху» во многом предопределили его многонациональный состав. В подтверждение этого имеется значительно число свидетельств. Приведем некоторые из них.

В высших эшелонах черноморской старшины мы встречаем «польской породы» войскового писаря и. Подлесецкого (13). Примечательна история хорошо известной черноморской семьи Бурносов. Основатель рода Петр Бурнос – поляк Пинчинский. В начале XIX в. он усыновил абадзехского мальчика. Родной сын Петра Бурноса – Корней, взял в семью еврейского мальчика. Спустя несколько десятилетий приемный сын П. Бурноса писал: «Василь Корнеевич Бурнос – поляк, я – черкес, Старовеличковский Бурнос – еврей» (14).

Интересно отметить, что в казаки была записана часть пленных поляков, захваченных черноморцами в «польском походе» 1794 г. К примеру, в 1799 г. в курене Величковском живет такой казак Езин Мазур, который чуть позже становится Езифом Добровольским (15).

В 1793 г. в Черноморское войско записался «Степан Моисеев заводовский, родившийся в турецком городе Хотене в законе еврейском» (16). В формулярных списках чиновников Черноморского войска за 1809 г. 82-летний С.М. Заводовский показан выходцем из польского шляхетства (17). 10 апреля 1795 г. войсковой судья А.А. Головатый сообщил Таврическому губернатору С.С. жегулину о зачислении в войско «евреина Иосифа Шендера» (18). В 1799 г. в г. Екатеринодаре числится значковый товарищ Евреинский, по спискам 1813 г. – Еврееновский (19).

Ф.А. Щербина указывает, что в 1804 г. в черноморские казаки под именем Василия Лавровского был зачислен австрийский еврей Авелейд, а в 1810 г. – еврей Шиман Лейзерович (20).

К «знаменитой плеяде» черноморцев конца 40-х годов XIX в. относился, по словам полковника Кубанского войска Шарапа, старший член войскового правления еврей Литевский (21).

Выходя за рамки заявленной темы, отметим, что кубанские казаки прекрасно понимали возможность поступления в казачество людей разных национальностей и вероисповеданий. В «Конституции» Кубанского края 1918 г. предусматривалось, что человек, избранный атаманом Кубанского казачьего войска, принимает присягу «соответственно требованиям и обрядам своей религии». И ничего удивительного нет в том, что своим атаманом кубанцы избрали генерал-майора Н.А. Букретова, еврея по национальности (22).

Сохранилось значительное число документов о поступлении в Черноморское войско адыгов. Примечательную формулировку содержит один из них: «Черкесский владетель Мурадин Оуглы, сделавшийся черноморским казаком...» (23). Л.И. Лавров писал о том, что одна из окраин ст. Переяславской называется Черкешиной и часть ее казаков ведет свой род от адыгейцев (24). А. Вершигора отмечает о зачислении в Черноморское войско в 1808 г. большой группы адыгов, один из которых после крещения стал Яковом Яковлевичем Животовским (тоже известная на Кубани семья) (25). Практически в каждом из наградных документов 20-х гг. XIX в. встречается несколько казаков-адыгов, начиная от урядников и кончая полковниками.

Встречались среди черноморских казаков и армяне: есаул Лазарь Якимович Мурзак (впоследствии фамилия стала писаться «Мурзаков»),

войсковой старшина Никита Иванович Гаджанов («родом от Меликов армянских») (26).

В 1810 г. были «исключены из оклада с причислением в сословие Черноморских казаков» ногайцы и татары, вышедшие ранее из Закубанья (27). В этом же году в Черноморское войско по распоряжению де Ришелье зачислили 55 молдаван, служивших в упраздненном Буджакском войске, а чуть позже – еще 77 человек (28).

В упомянутом выше формулярном списке войсковых чиновников за 1809 г. мы встречаем болгарина Емельяна Матвеевича Стоянова, серба Романа Степановича Шелеста, грека Никифора Михайловича Погачевского и др.

Подобных документов можно привести еще десятки, но наверное уже нет смысла доказывать тезис о свободном поступлении в Черноморское казачье войско людей различных национальностей. Однако, признавая полиэтничный состав войска, мы вполне солидарны с Ф.А. Щербиной, утверждавшим, что представители других национальностей просто «тонули» в массе чисто малорусского населения. На каждый десяток приведенных выше документов приходится просто сотни других с такой почти стандартной формулировкой – «... он породы малороссийской. Звания казачьего».

Малороссийское происхождение большинства черноморских казаков косвенно подтверждают куренные и полковые списки, где явно преобладают украинские фамилии. При этом стоит оговориться, что фамилии (клички, прозвища) далеко не всегда служат надежным ориентирам. Автор уже однажды, кажется, ошибся, посчитав без веских оснований войскового полковника Алексея Высочина русским, а последующие поиски показали, что его отец Семен Цвень (в других документах - Цвененко) проживал в Елисаветградском уезде Новороссийской губернии. Подлинная фамилия полковника Ивана Павловича Великого оказался Губар (Губарь), а под фамилией Мельниченко скрывался молдаванин. Отцом сотенного есаула Греднева был «пруссский Эдельман Грейф» (29).

Не следует без особой проверки доверять и таким этномаркирующим фамилиям как Бесараб, Циган, Болгарин, Литвин и др. В 1801 г. Войсковая канцелярия разбирала вопрос «почему капитан Лях получил сие фамильное имя, ибо родной его отец прозывается Шанька и состоит в живых» (30). Этноним «Литвин» мог означать (в зависимости от того, кто составлял документ) и жителя северной Украины, и белоруса, реже поляка, а то и просто католика (31).

В 1808 и 1820 гг. последовали высочайшие повеления о

переселении в Черноморию малороссийских казаков (фактически крестьян) (32).

В 1848 г. состоялось третье и последнее массовое переселение в Черноморию. Переход в Черноморию более ста тысяч малороссийских переселенцев из Полтавской, Черниговской (и в незначительном количестве – из харьковской) губерний окончательно определил, по нашему мнению, этническое лицо черноморского казачества. В условиях Кубани произошла унификация локальных вариантов общеукраинской традиционной культуры.

Для современников и последующих поколений исследователей этническая идентификация черноморцев не вызывала сомнений. Один из первых историков Кубани И.Д. Попко в 1858 г. писал: «Весь войсковой состав черноморского народонаселения носит одну физиономию, запечатлен одною народностью – малороссийскою... Черноморцы говорят малороссийским языком, хорошо сохранившимся. На столько же сохранились, под их военную кавказскую оболочку, черты малороссийской народности в нравах, обычаях, поверьях, в быту домашнем и общественном» (33). Краток и категоричен П.П. Короленко: «Черноморцы были все малороссы» (34).

Князь А.И. Барятинский в своем отношении к военному министру от 2 апреля 1861 г., размышляя о замкнутости казачьего сословия, развивающей «дух отдельности» в государстве, писал: «В бывшем Черноморском войске, состоявшем из Малороссиян... эта отдельность принимает вид национальности...» (35).

Образование Кубанского казачьего войска (1860 г.) вызвало к жизни новые этностимулирующие факторы, новые интеграционные процессы, завершившиеся, по мнению ряда исследователей, возникновением этносоциальной общности – кубанского казачества (36). Ряд возражений сторонникам данной точки зрения были высказаны А.Н. Малукало (37). Действительно, факты упорного и длительного сохранения прежнего самосознания и самоназвания достаточно многочисленны и весомы.

В русско-турецкую войну 1877-1878 гг. сотни полков Кубанского войска комплектовались отдельно из линейцев и «малороссов, сынов Черноморского войска» (38). Ф.А. Щербина, говоря о появлении «нечто среднего» между великороссами и малороссами, в то же время утверждал об еще очень резкой «племенной разношерстности» и о возможности встретить в одной

станции как типичного великоросса, так и «завязтого хохла» (39).

Войсковая Рада, проходившая в екатеринодаре в декабре 1906 г., признала, что Кубанское казачье войско представляет собой не единое войско, а административное слияние, склеенное военной администрацией из трех по крайней мере войск (40). Поэтому черноморцы, линейцы и закубанцы образовали свои отдельные секции.

Казак-линеец Ф.И. Елисеев, посетив перед первой мировой войной казармы императорского конвоя, сразу, издали и только по манере поведения выделил среди конвойцев казаков-черноморцев (41).

Революция и гражданская война не только реанимировали, но и резко обострили глухо дремавшие противоречия между черноморцами и линейцами. Это хорошо известный и общепризнанный факт (42). Дело дошло до созыва отдельной Черноморской Рады, высказавшейся за объединение с Украиной. А.И. деникин, оценивая обстановку, писал, что вражда между черноморцами и линейцами, грозившая перейти в полный разрыв, ставила вопрос о выделении из Кубанского войска линейных (русских) округов и о присоединении их к Тереку (43).

Несколько цитат из статьи анонимного автора «Черноморцы и линейцы», опубликованной в «Вольной Кубани» 16 декабря 1918 г. «Если мы линейцы и черноморцы, за 60 лет совместной жизни не слились так, чтобы не было заметно и швов в нашем долголетнем союзе, то здесь значит что-то не ладно. Значит есть какое-то болезненное состояние крови в нашем кубанском казачьем организме, которое мешает окончательно зарости двум половинкам нашего войска, склеенным еще в прошлом столетии... Черноморская половина – прямые потоки запорожцев и значит родные братья нынешних украинцев... Черноморцы говорят одним языком с украинцами, поют одни песни, вспоминают одни предания...

Линейцам совершенно чужды переживания Украины. Им, как говорящим на русском языке и чувствующим себя просто русскими казаками...

Нет того, что хотелось бы видеть всем кубанцам – сплошного Кубанского войска».

В 1919 г. попытка Войскового атамана набрать добровольцев для Коша Вольного казачества Екатеринославской губернии с целью «вдохнуть жизнь и воскресить славу возрождающемуся малороссийскому казачеству» встретило резкое непонимание линейцев. Атаман Баталпащинского отдела полковник Абашкин написал атаману

Филимонову: «...Если Таманский, Ейский, Екатеринодарский отделы большинством станиц имеют связь с бывшим Запорожьем и до 1860 г. назывались Черноморским войском, то от станицы Воровсколесской и далее на восток до границы терского войска казаки были и есть и теперь линейные» (44).

А вот как оценивает этническую ситуацию этих лет на Кубани А.А. Зайцев: «Кубанское казачество является биэтническим образованием, объединяющим две национальные ветви – черноморцев (украинцев) и линейцев (русских). Существовавшие на протяжении десятилетий этнические отличия не только не стерлись, но и переросли в 1917-1920 гг. в государственно-политические противоречия, когда центробежные тенденции внутри казачества оказались сильнее центростремительных» (45).

Не будучи специалистом-этнографом, не берусь делать какие-либо выводы. Как мне думается, этническая самоидентификация политической, научной, культурной элиты с одной стороны и рядового станичного казачества с другой могут оказаться далеко не адекватными. И почему речь идет только о черноморцах и линейцах? А как быть с людьми, ставшими казаками во второй половине XIX-начале XX вв. Это приписанные в казаки офицеры регулярной армии, зачисленные в войсковое сословие крестьяне различных губерний, отставные рядовые армии, казаки других казачьих войск. Их тысячи. А сколько стали кубанскими казаками, женившись на казачьих вдовах или имея в станицах «хорошую домашнюю оседлость». Как быть с лицами, вышедшими или исключенными из рядов кубанского казачества. Этническая картина кубанского казачества в начале XX в. может оказаться более пестрой, нежели это представляется сторонникам указанных точек зрения.

Примечания

1. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1910. Т. 1 С. 576.
2. Голобуцкий В.А. Черноморское казачество. Киев, 1956. С. 141.
3. ГАКК (Государственный архив Краснодарского края). Ф. 250. Оп. 1. Д. 20. Л. 12.
4. Короленко П.П. Черноморцы за бугом. Б/м, б/г. Прилож. 1. КГИАМЗ (Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник), ПИК (письменные источники и книги) – 1314.
5. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

6. Дмитренко И.И. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. СПб, 1896. Т. 3. С. 6.
7. Там же. С. 24.
8. ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 18. Л. 55.
9. Фролов Б.Е. У истоков Черноморского войска // Проблемы истории казачества. Волгоград, 1995.
10. Бентковский И.В. Заселение Черномории с 1792 по 1825 гг. // Памятная книжка Кубанской области. Екатеринодар, 1881. С. 20.
11. Щербина Ф.А. Указ. соч. С. 514.
12. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 11328. Л. 6-11.
13. Короленко П.П. Предки кубанских казаков на Днестре. Б/м, б/г. С. 48. КГИАМЗ, ПИК-1312.
14. ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 17. Л. 57.
15. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 370. Л. 182, 184.
16. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 235. Л. 1.
17. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 165. Л. 169.
18. Бардадым В.П. Антон Головатый – дипломат // Кубанские новости (газета). 1991. 28 августа.
19. ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 62. Л. 509.
20. Щербина Ф.А. Указ. соч. Т. 2. Екатеринодар, 1913. С. 39, 43.
21. Кубанский сборник. Т. 16. Екатеринодар, 1911.
22. Скобцов Д.Е. Три года революции и гражданской войны на Кубани. Париж, 1962. С. 188.
23. ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 9. Л. 118.
24. Лавров Л.И. Этнография кавказа. Л., 1982. С. 59.
25. Вершигора А.Д. Встречали настороженно, провожали с сожалением // Казачьи вести (газета). 1998. № 15-17. С. 19.
26. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 483. Л. 244; Ф. 249. Оп. 1. Д. 1973. Л. 15.
27. ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 22. Л. 71.
28. Щербина Ф.А. Указ. соч. С. 48.
29. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 58. Л. 18.
30. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 39. Л. 46.
31. Чаквин И.В., Терешкович П.В. Из истории становления национального самосознания белорусов (XIV-начало XX вв.) // Советская этнография. 1990. № 6.

32. ПСЗ. Т. 30. СПб, 1830. Ст. 22902; Т. 37. СПб, 1830. Ст. 28241.
33. Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб, 1858. С. 46.
34. Короленко П.П. Двухсотлетие Кубанского казачьего войска. 1696-1896. Екатеринодар, 1896. С. 27.
35. АКАК. Т. 12. Тифлис, 1904. С. 888.
36. Бондарь Н.И. кубанское казачество (этносоциальный аспект) // Кубанское казачество: история, этнография, фольклор. М., 1995. С. 8.
37. Малукало А.Н. Некоторые методологические подходы к изучению самоидентификации кубанского казачества // Творческое наследие Ф.А. Щербины и современность. Краснодар, 1999.
38. Тутолмин И. Кавказская казачья бригада в Болгарии. 1877-1878. СПб, 1879. С. 3.
39. Кубанское казачье войско. 1696-1888 /под. ред. Е.Д. Фелицына. Воронеж, 1888. С. 176.
40. Войсковая рада. Екатеринодар, 1907. С. 10.
41. Елисеев Ф.И. Оренбургское казачье военное училище. Нью-Йорк, 1967. С. 17.
42. Деникин А.И. О гражданской войне на кубани (Очерки русской смуты) 1919-1920 гг. Майкоп, 1991; История кубани. XX век. Очерки. Краснодар, 1998; Лыдинский Н. Первые бои на Кубани. Екатеринодар, 1918; Покровский Г. Деникинщина. М., 1926; Скобцов Д.Е. Указ. соч.
43. Деникин А.И. Указ. соч. С. 80.
44. Гакк. Ф. 396. Оп. 5. Д. 188. Л. 13.
45. Зайцев А.А. О некоторых тенденциях в истории Кубанского казачества// Казачество в истории России. Краснодар, 1993. С. 101.